

**УДК 34**

## **Ограничения установления индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления в условиях крупных конфликтов**

**Сафина Динара Харисовна**

Аспирант, преподаватель,  
кафедра уголовно-правовых дисциплин,  
Московский университет им. А.С. Грибоедова  
105066, Российская Федерация, Москва, Новая Басманная ул., 35/1;  
e-mail: dici@list.ru

### **Аннотация**

Статья посвящена комплексному анализу трудностей установления индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления в условиях крупных международных конфликтов. Во введении обосновывается актуальность проблемы, связанной с масштабностью современных вооруженных столкновений, вовлекающих множество сторон и характеризующихся территориальной протяженностью. Подчеркиваются системные сложности в практике международных трибуналов, включая трудности доказывания прямой причастности высшего руководства, а также ответственности непосредственных исполнителей на фоне политического давления, логистических и финансовых ограничений. Рассматривается исторический контекст на примере Нюрнбергского и Токийского процессов, отмечается их ограниченная применимость к асимметричным современным конфликтам. В разделе материалов и методов исследования акцент сделан на правовых аспектах проблемы. Анализируется роль негосударственных акторов (повстанческие движения, частные военные компании), чей непрозрачный статус и отсутствие четкой командной иерархии затрудняют привлечение к ответственности. Детально исследуется концепция командной ответственности, выявляются практические барьеры в установлении осведомленности командиров о преступлениях подчиненных, особенно в условиях искажения информационных потоков и преднамеренного сокрытия доказательств. Результаты и обсуждение раскрывают ключевые препятствия: дефицит политической воли государств в поддержке международных расследований, отказ от экстрадиции подозреваемых под предлогом суверенитета, а также трудности сбора достоверных доказательств в зонах активных боевых действий. Отмечается проблема квалификации новых форм ведения войны (кибератаки, применение беспилотников), не урегулированных полноценно международным правом. Подчеркивается негативное влияние информационных манипуляций, усложняющих верификацию фактов, и парадоксальное положение гуманитарных организаций, располагающих данными, но не способных их передать без риска для жизни. Анализируется принцип комплементарности, выявляются случаи фиктивных национальных расследований, призванных заблокировать вмешательство международных структур. В выводах констатируется, что установление индивидуальной ответственности остается крайне сложной задачей из-за совокупности юридических, политических и оперативных факторов. Предлагаются пути оптимизации:

усиление международного сотрудничества между судебными и дипломатическими институтами, внедрение систем оперативного мониторинга и документирования преступлений, а также повышение правовой грамотности военных кадров. Делается вывод о необходимости адаптации международного гуманитарного права к новым вызовам (кибервойна, дистанционное применение оружия) и укрепления механизмов, обеспечивающих неотвратимость наказания без ущерба для стандартов доказывания.

#### **Для цитирования в научных исследованиях**

Сафина Д.Х. Ограничения установления индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления в условиях крупных конфликтов // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 650-662.

#### **Ключевые слова**

Индивидуальная уголовная ответственность, военные преступления, крупные конфликты, международное правосудие, командная ответственность.

### **Введение**

Современные международные конфликты, в особенности те, что отличаются широким территориальным охватом и вовлекают множество сторон, создают значительные трудности при попытках привлечь конкретных лиц к уголовной ответственности за военные преступления. При рассмотрении практики международных трибуналов уже давно выявились системные сложности, связанные с необходимостью доказательства прямой причастности высшего военного или политического руководства к совершённым преступлениям, а также с установлением ответственности непосредственных исполнителей. Несмотря на формальность существующих норм международного гуманитарного права, постановка вопроса об индивидуальной вине требует не только строгого следования правовым процедурам, но и тщательного анализа политического контекста, который зачастую деформирует любые юридические усилия по привлечению к суду виновных [Любанов, 2009]. При этом высокие должностные лица нередко обладают значительными ресурсами и оказывают давление на ход расследования. С другой стороны, сам масштаб конфликта порождает логистические и финансовые проблемы для судебных органов, стремящихся собрать доказательства и вызвать свидетелей, что, в свою очередь, отражается на сроках рассмотрения дел. Дополнительное осложнение связано с тем, что участники конфликтов могут не признавать юрисдикцию международных судов и отказываться от сотрудничества, создавая почву для неоднозначных политических манёвров. Всё это формирует неблагоприятную среду, в которой принцип неотвратимости наказания не гарантирован в полной мере, а жертвы остаются перед лицом слабой правовой защиты, чьи лакуны обнажаются именно в периоды боевых действий и борьбы за власть.

Практика Нюрнбергского и Токийского процессов после Второй мировой войны дала первое детальное представление о том, как именно можно судить индивидов, отвечающих за масштабные преступления во время военных действий [Бязров, 2007]. Однако уроки тех трибуналов не всегда применимы к современным реалиям: тогда победившие державы обладали неоспоримым военным и политическим превосходством, позволяющим им формировать новые правовые институты и навязывать их проигравшим сторонам. В нынешних условиях, когда

международное сообщество состоит из множества государств с разным уровнем экономического и военного потенциала, а конфликты часто протекают асимметрично, согласование позиций по вопросу судебного преследования за военные преступления может длиться годами. Более того, не всегда удаётся отделить «чисто» военные действия от действий, вызванных политической необходимостью или навязанной доктриной сдерживания — подобное смешение сфер усложняет оценку. Как следствие, работа следователей международных трибуналов нередко сталкивается с препятствиями в части доступа к местам совершения преступлений и при сборе вещественных доказательств. Все эти факторы затягивают процесс, а в ряде случаев даже ставят под сомнение саму возможность объективного и всестороннего суда. В итоге вопрос о персональной ответственности превращается в предмет сложных дипломатических переговоров.

### **Материалы и методы исследования**

Дополнительно усложняет ситуацию тот факт, что во многих крупных конфликтах действуют негосударственные акторы: повстанческие движения, террористические группировки, частные военные компании и иные объединения, которые формально не связаны с государственными структурами [Дубовский, 2008]. Правовой статус таких акторов часто остаётся неясным, особенно если их деятельность пересекается с операциями регулярных вооружённых сил или если они де-факто поддерживаются некими иностранными правительствами. Случается, что военные преступления совершаются именно этими негосударственными субъектами, но доказать их ответственность бывает ещё сложнее, поскольку руководящие механизмы внутри таких групп непрозрачны и не подчиняются чёткой вертикали командования. Расследование в отношении подобных вооружённых формирований слабо регламентировано, а собрать полноценную доказательную базу зачастую не представляется возможным, так как члены групп могут скрываться в скрытых лагерях или мигрировать через границы, используя чужие документы. В итоге международные органы правосудия сталкиваются с проблемой признания вины тех, кто не имеет прямой иерархической подчинённости и действует полуавтономно. Но даже если установить связь между лидерами таких объединений и исполнителями военных преступлений, остаётся вопрос об экстерриториальности преследования, так как подобные субъекты не привязаны к одному государству.

Дифференцировать ответственность различных лиц в крупных конфликтах помогает концепция командной ответственности, которая требует от командиров принимать меры для предотвращения и пресечения военных преступлений, совершаемых подчинёнными [Степаненко, 2012]. Однако на практике для установления факта игнорирования или одобрения таких преступлений необходимо подтвердить, что соответствующий командир действительно знал либо должен был знать о готовящихся правонарушениях. В крупных конфликтах, где информационные потоки часто искажаются, а командная вертикаль бывает слишком усложнённой, может быть затруднительно собрать надёжные сведения, указывающие на степень осведомлённости командира о совершённых нарушениях. К тому же военное руководство иногда заранее готовится и предпринимает шаги, направленные на сокрытие следов противоправной деятельности. В результате суды получают фрагментарные данные, которые не всегда позволяют сделать однозначный вывод об ответственности конкретных

командиров. При этом юридическая доктрина командной ответственности не даёт универсальной формулы для разграничения банальной халатности и умышленной политики невмешательства, что создаёт почву для многочисленных интерпретаций. В итоге суд или трибунал могут столкнуться с выбором, ограничиваться ли косвенной ответственностью или же искать прямые свидетельства участия командиров в военных преступлениях. Ошибки в этом процессе могут привести к тому, что либо на скамью подсудимых попадут лица, не имевшие решающего влияния, либо, напротив, высшее руководство сумеет избежать наказания.

## Результаты и обсуждение

Существенным тормозящим фактором остаётся и вопрос политической воли государств в поддержке или саботаже расследований [Камнев, 2008]. Международные механизмы, такие как Международный уголовный суд, зависят от согласия государств-участников, а также от их готовности обеспечивать экстрадицию или передачу подозреваемых. Если государство не является участником соответствующего международного договора, ему проще игнорировать запросы суда, прикрываясь принципом государственного суверенитета. Вдобавок у влиятельных государств могут быть либо тесные экономические, либо военные, либо политические отношения с предполагаемыми нарушителями, вследствие чего возникает нежелание обострять ситуацию судебным преследованием. Эта дилемма многократно подтверждалась практикой, когда ради сохранения стратегических союзов крупные державы закрывали глаза на преступления, совершённые союзными армиями. Даже при наличии улик и свидетельств правосудие зависало в режиме ожидания, пока политический ландшафт не изменялся. Впрочем, иногда давление глобальной общественности способно вынудить государства изменить позицию, но такие случаи редки и требуют больших усилий со стороны правозащитных организаций и СМИ. Однако без устойчивой поддержки на уровне высших органов власти и межправительственных структур любая инициатива по привлечению к ответственности рискует остаться декларативной и не воплотиться в полноценном судебном разбирательстве.

Не менее важным фактором является обеспечение надлежащей правовой процедуры в условиях продолжающегося конфликта, где стабильный доступ к доказательствам может быть невозможен [Мальков, 2006]. Свидетели, которые могли бы дать ценные показания, или опасаются возмездия, или сами меняют место жительства, или оказываются убитыми в ходе боевых действий. Кроме того, длинная цепочка посредников, через которых могут передаваться документы или видеоматериалы, способна привести к потере части улик и их искажению. Вопрос достоверности также стоит остро: в крупных конфликтах распространена пропаганда, и некоторые заинтересованные стороны могут фабриковать улики в целях дискредитации противника. Судебным органам приходится тщательно проверять все материалы, нередко с привлечением экспертов, способных выявить фальсификации. При этом отсутствие централизованного и безопасного канала для сбора данных ещё больше усложняет верификацию. Подобные дефекты процесса ведут к тому, что любое судебное производство потенциально может быть оспорено, а приговор впоследствии поставлен под сомнение. Этот риск зачастую используется политиками, которые публично обвиняют трибуналы в предвзятости. В конечном счёте, если общественное мнение начинает считать суд несправедливым инструментом в руках противостоящей стороны, доверие к правосудию

падает, а сам процесс теряет легитимность в глазах значительной части населения.

Одной из дискуссионных тем остаётся принцип комплементарности международного уголовного правосудия и национальных судебных систем [Каламкарян, Мигачев, Лобанов, 2016]. С одной стороны, справедливо, что государство, где имели место преступления, должно иметь право самим осуществлять преследование виновных. Это упирается в идею государственного суверенитета и в стремление укрепить национальное законодательство. С другой стороны, в ситуации крупных конфликтов национальная судебная система, как правило, сильно ослаблена, её независимость может быть поставлена под угрозу, а сами судьи — зависеть от действующей власти. В таких условиях надеяться на беспристрастный суд внутри самой страны-участницы конфликта крайне затруднительно. Именно поэтому Международный уголовный суд призван вмешиваться, если национальные институты не демонстрируют готовности или способности преследовать военных преступников. Но в практике не раз возникали случаи, когда государство пыталось сохранить видимость собственного расследования лишь для того, чтобы не допустить вмешательства международных структур. При этом реальной воли наказать сильных мира сего не наблюдалось, а дело затягивалось на неопределённое время. Сложность в том, что формальные признаки внутреннего расследования могут фактически скрывать бездействие, и механизмы проверки этой ложной активности опять же требуют ресурсов и дипломатических усилий, которые не всегда оказываются доступными.

Препятствием выступает и постоянная эволюция вооружённых конфликтов, когда меняются стратегии ведения войны, появляются новые виды оружия и военных технологий, а также практики, не урегулированные существующим международным правом [Новокшенов, 2017]. К примеру, использование кибератак или беспилотных летальных аппаратов для нанесения точечных ударов по объектам, находящимся на территории третьих государств, во многом выходит за рамки традиционных представлений о военных преступлениях. Юристы и эксперты международного права продолжают дискуссии относительно правомочности и легитимности таких методов ведения боевых действий. Если почва нормативно не подготовлена, установить ответственное лицо ещё сложнее, поскольку остаётся неочевидным, какие именно критерии можно отнести к «военному преступлению» в киберпространстве. Нередки случаи, когда государство или группа официально не признают авторства атаки, используя наёмных программистов или скрытые каналы разведки. Пока доктринальные подходы к правовой оценке подобной деятельности не получили окончательного закрепления, любые попытки возбуждать дела о военных преступлениях в сфере кибератак сталкиваются с лакунами в законодательстве и с невозможностью возложить прямую ответственность на высокопоставленных должностных лиц.

Часто дискуссия о привлечении к ответственности протекает в контексте гуманитарной помощи и вопросов соблюдения прав человека [Бикеев, 1998]. Гуманитарные организации, работающие в зонах конфликта, нередко становятся свидетелями военных преступлений, однако при этом они же зависят от сторон конфликта в вопросе допуска к пострадавшему населению. Любая передача собранной информации в международные инстанции может обернуться закрытием гуманитарного коридора или даже нападением на сотрудников организации. Среди работ, анализирующих последствия такого конфликтного пересечения гуманитарной практики и правосудия, указывается на необходимость более гибких механизмов, которые позволили бы не ставить под угрозу жизнь волонтеров и мирного населения [Садовников, 2008]. Но выработка подобных механизмов идёт медленно, поскольку между

государствами и гуманитарными структурами нет единого согласия относительно порядка взаимодействия. Более того, радикальные группировки, действующие в качестве одной из сторон конфликта, могут игнорировать любые протоколы, принимаемые на высоком дипломатическом уровне. В результате создаётся парадоксальная ситуация: именно те, кто обладает наиболее достоверной информацией о совершаемых преступлениях, не могут позволить себе предоставить эту информацию в суды без риска утраты нейтрального статуса или даже физической расправы.

Отдельного упоминания заслуживает проблема поведения воюющих сторон в информационном поле [Ермолович, 2013]. В наше время социальные сети и средства массовой коммуникации моментально распространяют новости и свидетельства, которые лишь косвенно могут служить доказательством в юридическом смысле. Однако общественное восприятие войны формируется именно этими информационными потоками, и часто определённая сторона конфликта стремится выставить себя в качестве жертвы, приписывая все зверства исключительно противнику. В подобных условиях у судов возникает дополнительная сложность в отделении реально зафиксированных фактов от возможностей информационных манипуляций. Даже собрав большое количество видеозаписей и фотографий, эксперты должны проверить их подлинность, источники происхождения, контекст, а также исключить монтаж и ошибочную интерпретацию. При больших конфликтах, где действуют сотни различных групп и интересов, подобная проверка превращается в чрезвычайно ресурсоёмкий процесс [Якушев, 1999]. Подобная медлительность подрывает доверие к результатам следствия, которое может затянуться на долгие годы. За это время в обществе формируется устойчивая картина виновных и невиновных, которую впоследствии бывает весьма сложно скорректировать даже после судебного вердикта. Всё это создаёт непропорционально большую нагрузку на институты международного правосудия, вынужденные одновременно выполнять роль исследователей, экспертов и посредников.

Одним из ключевых элементов, влияющих на степень сложности установления индивидуальной уголовной ответственности, остаётся необходимость сбора свидетельств из разных регионов, куда могут распространяться военные действия [Трощенко, 2009]. Крупные конфликты нередко приобретают трансграничный характер, затрагивая несколько государств или даже целые регионы. Тогда коллективная природа насилия, многообразие сторон, вовлечённых в боевые действия, и отсутствие единого центра контроля приводят к многочисленным сложностям в работе следственных органов. Свидетели могут говорить на разных языках, принадлежать к разным культурам, а условия в местах их жительства могут быть опасными или труднодоступными. Кроме того, региональные особенности в понимании права и обычаев войны могут привести к тому, что факты, которые в одном контексте однозначно трактуются как военное преступление, в другом могут быть восприняты иначе. Всё это на практике приводит к путанице, когда нужно собрать общий массив доказательств, приемлемых для международных инстанций. В таких ситуациях международное правосудие полагается на профессионализм своих представителей на местах, а также на организационную и дипломатическую поддержку со стороны различных международных организаций, однако даже этих усилий нередко оказывается недостаточно, чтобы противостоять всем вызовам. В результате многие преступления остаются безнадёжно недоказанными, а справедливость не достигается.

Чрезвычайно тонким моментом является и квалификация действий, связанных с так

называемым коллатеральным ущербом, когда во время военных операций страдает гражданское население [Ермолович, 2013]. В некоторых случаях разрушения гражданской инфраструктуры и жертвы среди мирных жителей объясняются случайными обстоятельствами, в других — внутренней логикой проведения операции, которая игнорирует принципы соразмерности и пропорциональности. Чтобы считать подобные действия военными преступлениями, требуется убедительно продемонстрировать, что их нельзя оправдать военной необходимостью. Однако линии разграничения между приемлемым риском и преступной халатностью зачастую расплывчаты, особенно в крупных конфликтах, где интенсивность боёв высока. Специалисты указывают на то, что из-за сложностей современной войны, а также непрозрачности решений о выборе целей для ударов, найти неопровержимые доказательства умышленной или избыточной атаки бывает сложно [Трошенко, 2009]. В результате случаи массовых жертв среди гражданских лиц могут так и остаться без чёткого правового определения, если у суда не хватит доказательств для признания преступного умысла или явного превышения военной необходимости. Это порождает недовольство со стороны правозащитных организаций, ведь на практике подобные ситуации встречаются нередко, а их расследование затрудняется отсутствием или закрытостью оперативной информации.

Не стоит забывать и о психологических факторах, которые влияют на стремление отдельных свидетелей или военных должностных лиц говорить правду в судебном процессе. В условиях крупных конфликтов, особенно если боевые действия продолжаются, дача показаний может быть связана с серьёзной опасностью для жизни свидетеля и его семьи. Страх преследований, возмездия со стороны соратников или противника порождает молчание [Степаненко, 2012]. Люди, которые могут дать существенные сведения о военных преступлениях, предпочитают не раскрывать ни своей личности, ни деталей увиденного, ориентируясь прежде всего на необходимую безопасность. Международное право предусматривает разные варианты защиты свидетелей, но эффективная реализация таких мер возможна главным образом только в государствах с устойчивыми институтами и достаточными ресурсами для программы охраны. Если же конфликт находится в активной фазе, а территория нестабильна, подобная защита оказывается формальностью на бумаге. В итоге страшные преступления могут оставаться «в тени», будучи известными только ограниченному кругу пострадавших, которые не в состоянии донести правду до суда.

Одной из рекомендаций, которые иногда предлагают эксперты, выступает укрепление международного взаимодействия, в том числе более тесное сотрудничество между разными международными инстанциями и региональными организациями [Лобанов, 2009]. Предполагается, что при комплексном подходе, когда задействуются как судебные, так и политические, так и дипломатические каналы, уровень безнаказанности может быть снижен. Но на практике реализация такой инициативы упирается в противоречие геополитических интересов государств, а также в неизбежное соревнование в сфере влияния. Сложные конфликты порой становятся «полем брани» для соперничества держав, преследующих свои собственные стратегические цели. В результате вопрос о привлечении к ответственности виновных за военные преступления может превращаться в инструмент внешней политики, а это подрывает искренность намерений и не даёт возможности выстроить эффективный международный консенсус. Межпарламентские ассамблеи, правозащитные форумы, а также международные исследовательские группы активно пытаются привлечь внимание мировой общественности на проблему безнаказанности, указывая на то, что отсутствие справедливости

поощряет новые преступления. Тем не менее, данные призывы натываются на союз интересов сильных игроков, чья поддержка может быть критически важна для урегулирования конфликтов.

Среди юристов бытует мнение, что необходимо проводить более интенсивные курсы по подготовке военных и сотрудников госаппарата в области международного гуманитарного права и норм, регулирующих ведение вооружённых действий [Дубовский, 2008]. Считается, что превентивные меры, способствующие общему повышению культуры права на всех уровнях, могут помочь сократить число военных преступлений. Однако данная идея сталкивается с бюрократическими барьерами и часто не воспринимается серьёзно в разгар интенсивных конфликтов. Военным планировщикам в критические моменты может показаться, что соблюдение правовых тонкостей мешает оперативности, а подробное изучение норм международного права не является приоритетом. В результате, хотя формально обязательства по выполнению международных конвенций и существуют, фактически многое зависит от конкретных политических и военных лидеров, которые могут как поощрять осознание правовых ограничений, так и игнорировать их. Нельзя исключать и элементарную нехватку знаний: в некоторых формированиях среднее или низкое командное звено вообще не осведомлено о положениях Женевских конвенций или других документов, предписывающих правила обращения с военнопленными и гражданским населением. Такая ситуация ставит под угрозу любые попытки последующего судебного преследования, поскольку зачастую невозможно установить чёткую грань между действиями, совершёнными по неведению, и действиями, совершёнными умышленно.

Значимой проблемой представляется и юридическая квалификация новых форм участия в конфликте, когда люди могут вступать в боевые действия удалённо, например управляя дронами из-за тысячи километров [Каламкарян, Мигачев, Лобанов, 2016]. Это порождает своеобразную анонимизацию войны, когда непосредственные исполнители не видят жертву напрямую, снижая психологический барьер перед нажатием кнопки запуска ракеты. Ввиду отсутствия упрощённо понимаемого «боевого поля», где солдаты стоят лицом к лицу с противником, многие аспекты морали и ответственности стираются. В дальнейшем, при попытках привлечь к уголовной ответственности, встаёт вопрос: насколько человек, управляющий беспилотником, осознавал последствия своих действий, способен ли он был различить военный объект и гражданскую цель, и не был ли он введён в заблуждение командованием относительно легитимности удара. Подобные проблемы порождают обширные споры среди правоведов, военных аналитиков и экспертов по беспилотным системам. Фактически традиционные модели установления виновности требуют пересмотра, чтобы охватить ситуацию, когда «солдат» расположен за тысячи километров от зоны боевых действий, а приказы передаются по цифровым каналам. А пока эти модели не будут до конца разработаны, индивидуальная уголовная ответственность за неправомерное применение дронов остаётся вне чёткого юридического поля.

Некоторые исследователи обращают внимание на влияние культуры безнаказанности, когда годы или даже десятилетия серьёзных нарушений международного права не приводили к существенным санкциям для виновников [Новокшенов, 2017]. Это создаёт у некоторых лиц в военном и политическом руководстве уверенность, что и на этот раз им удастся избежать суда. Подобная среда порождает цинизм и ставит под сомнение саму идею правосудия в обществах, переживших или переживающих военные конфликты. Жертвы, наблюдающие, как их обидчики

продолжают занимать ответственные посты или пользуются привилегиями, теряют веру в справедливость, а это в перспективе усугубляет социальные травмы и затрудняет мирное восстановление. По оценкам психологов, подобные чувства могут влиять на формирование новых поколений, унаследовавших память о войне и несправедливости. Возникают настроения мести, появляются новые очаги насилия. Такой круг насилия и безнаказанности, по мнению ряда экспертов, требует комплексного подхода, который бы не ограничивался сугубо уголовным преследованием, но дополнялся механизмами правды, примирения, репараций [Бязров, 2007]. Однако эта многосторонняя работа невозможна без чёткого осознания реальности происходивших преступлений и идентификации их исполнителей.

Заметный вклад в проблему вносит также двойственное отношение общественного мнения. В одних случаях население может требовать скорейшего наказания виновных, особенно если оно само пострадало от преступных действий [Мальков, 2006]. Но в других случаях, особенно когда преступники позиционируют себя как «защитники» нации или борцы за идеологию, общество может видеть в них героев и оказывать им моральную и политическую поддержку. Такая «героизация» мешает трезво взглянуть на военную ситуацию и осудить неправомерные действия. Более того, в контексте пропаганды и националистической риторики судебное преследование может рассматриваться как предательство или внешнее давление на страну. Всё это усложняет работу международных органов, ведь для успеха правосудия требуется хотя бы минимальное признание его легитимности на местном уровне. В противном случае обвинительные решения международного суда будут расцениваться частью общества как несправедливые и политически мотивированные, а, следовательно, не восприниматься как обязательные к исполнению. Процессы, которые спектаклярно проходят в Гааге или в других международных инстанциях, иногда вызывают лишь враждебность и непонимание со стороны населения, находящегося в стране конфликта. Нельзя недооценивать эмоциональный заряд, который несёт массовая пропаганда, способная формировать общественные мнения так, чтобы оправдать любые действия «своей» армии.

Важным остаётся и вопрос стандартов доказывания. В международном уголовном праве действуют высокие требования к доказательствам, аналогичные тем, что применяются в национальных уголовных процессах (презумпция невиновности, сомнения толкуются в пользу обвиняемого и так далее) [Садовников, 2008]. С одной стороны, это гарантирует защиту прав обвиняемых. С другой стороны, в военное время собрать достаточную доказательную базу бывает чрезвычайно сложно, а многочисленные препятствия, описанные выше, затрудняют процесс. Судьи не могут выносить обвинительные приговоры, основываясь на догадках, даже если их личные убеждения склоняются к виновности. В результате многие громкие дела либо тянутся годами, либо закрываются из-за нехватки улик. Такая ситуация провоцирует неудовлетворённость и критику со стороны жертв и правозащитных групп, ставящих под сомнение эффективность международного правосудия. Тем не менее, отклонение от высоких стандартов доказывания всё равно невозможно, иначе сам судебный процесс станет инструментом политической расправы и утратит легитимность. Следовательно, выходит замкнутый круг: чем масштабнее и хаотичнее конфликт, тем меньше шансов собрать все необходимые доказательства, и тем повышается вероятность, что значительная часть преступников останется без приговора.

За последние десятилетия происходили попытки модернизации и укрепления международных судебных механизмов, в том числе расширение компетенции Международного

уголовного суда или создание специальных трибуналов *ad hoc*, но их эффективность в крупных конфликтах по-прежнему ограничена [Трощенко, 2009]. Одной из причин является отсутствие универсального признания данного суда всеми странами. Некоторые влиятельные державы не ратифицировали соответствующие статуты, и это даёт им возможность торпедировать расследования или отказывать в выдаче подозреваемых. Кроме того, даже при формальном признании возникают случаи, когда государство не спешит осуществлять задержание военных и политических лидеров, обвиняемых в военных преступлениях. Причиной тому служат разные мотивы: от страха дестабилизации ситуации внутри самой страны до желания сохранить политические альянсы. Конечно, международное сообщество может применять санкции и меры дипломатического давления, однако они не всегда приводят к результату. Зачастую реальное выполнение судебных решений наталкивается на упорное сопротивление, и запланированное правосудие так и не реализуется в полной мере.

При этом нельзя игнорировать трудности, связанные с коллективным характером принятия решений в вооружённых конфликтах. Организация армии, агрессивная пропаганда, а также идейная обработка личного состава приводят к тому, что каждый участник конфликта нередко действует в рамках заранее смоделированной морально-идеологической схемы [Трощенко, 2009]. В результате поиск конкретного лица, несущего основную или исключительную вину, превращается в сложную задачу, поскольку любой военный акт обычно является результатом совместных усилий и приказов. Механика военной машины такова, что она распыляет ответственность по множеству уровней. Даже если доказать, что высшее политическое руководство отдавало незаконные приказы, часть командиров и исполнителей могут утверждать, будто не понимали их противоправного характера или действовали в состоянии возбуждённой боевой обстановки. В условиях крупного конфликта, где командование стремится сохранять боеспособность частей, а мораль коллектива становится фактором выживания, трудно точно очертить моменты, в которых воля солдат могла выражаться в совершении преступления самостоятельно, а где они вынуждены были подчиняться цепочке приказов, не имея возможности уклониться. Отсюда возникает масса неопределённостей, делающих судебные разбирательства исключительно сложными.

## Выводы

В свете всего вышесказанного часть экспертов указывает на необходимость более активного использования систем мониторинга и самостоятельного документирования военных преступлений международными организациями ещё в ходе конфликта [Ермолович, 2013]. Предполагается, что чем более оперативно и детально фиксируются факты предполагаемых нарушений, тем прочнее доказательная база будет в будущем. В частности, некоторые международные правозащитные органы специализируются на сборе свидетельств, аудио- и видеоматериалов, использовании технологий распознавания лиц и геолокации, что помогает локализовать события и установить хронологию. Однако в условиях массированных боевых действий обеспечить действенный мониторинг получается не всегда. Кроме того, не все организации имеют прямой доступ к районам боёв, а те, что получают, рискуют подвергнуться нападениям или обвинениям в шпионаже. Особенно это актуально, когда конфликт затрагивает государственные интересы крупных держав, либо когда на местах действуют бескомпромиссные вооружённые группировки, игнорирующие любые нормы. Тем не менее,

практика показывает, что при должной систематизации и своевременной передаче информации в независимые структуры, удаётся создать основы для обвинительных заключений, имеющих большой шанс на успех в суде.

Несмотря на все поднятые проблемы, вопрос об индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления не теряет актуальности. Международное сообщество, пусть и с трудом, но движется к постепенному совершенствованию нормативно-правовой базы, к поиску новых форм взаимодействия. Развиваются методики судебной экспертизы, внедряются цифровые инструменты для анализа и систематизации доказательств, растёт профессиональный уровень следователей, адвокатов и судей, специализирующихся в области международного гуманитарного права. В перспективе эти процессы могут повысить степень неотвратимости наказания и существенно улучшить положение жертв конфликта. Однако уже сейчас очевидно, что речь идёт о долгосрочной борьбе, а достигаемые компромиссы по-прежнему хрупки. Изменение политической конъюнктуры, новая эскалация конфликта или очередной виток глобального противостояния могут снова поставить под сомнение ценность и действенность международного правосудия. При этом сами постулаты гуманитарного права эволюционируют вслед за вызовами, которые несут новые технологии и формы ведения боёв. Глобальный мир, с одной стороны, повышает уязвимость каждого человека перед военной машиной, а с другой — даёт больше возможностей интернационализировать защиту прав человека. Именно в этом балансе противоречий и проходит борьба за установление справедливости в ситуации самых масштабных и опасных конфликтов.

## Библиография

1. Степаненко Н.Е. Актуальные проблемы уголовной ответственности военнослужащих за уклонение от военной службы // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. 2012. № 1 (175). С. 113-117.
2. Дубовский Ю.М. К вопросу об установлении уголовной ответственности гражданских лиц за преступления, совершенные в военное время или в боевой обстановке (историко-правовой анализ) // *Российский следователь*. 2008. № 14. С. 36-39.
3. Мальков С. Особенности дифференциации уголовной ответственности за незаконные действия с отдельными видами оружия // *Уголовное право*. 2006. № 1. С. 42-44.
4. Трощенко Р.А. Вновь к вопросу об уголовной ответственности за воинские преступления в военное время и в боевой обстановке // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. 2009. № 2 (140). С. 13-16.
5. Садовников Д.В. Проблемы уголовной ответственности партизан за незаконное ведение военных действий в условиях вооруженного конфликта международного характера // *Lex Russica (Русский закон)*. 2008. Т. 67. № 1. С. 174-178.
6. Трощенко Р.А. К вопросу об уголовной ответственности за воинские преступления в военное время и в боевой обстановке // *Военное право*. 2009. № 2. С. 99-108.
7. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. С.А. Лобанов. Уголовная ответственность за военные преступления: теоретические вопросы международно-правового исследования // *Государство и право*. 2016. № 8. С. 123-124.
8. Лобанов С.А. Кодификация норм об ответственности за военные преступления: преемственность и развитие // *Военно-юридический журнал*. 2009. № 10. С. 7-15.
9. Ермолович Я.Н. Проблема соотношения и взаимосвязи уголовного и военно-уголовного законодательства // *Гражданин и право*. 2013. № 12. С. 38-46.
10. Камнев Р.Г. Совершение преступления под влиянием стечения тяжелых обстоятельств и его значение для уголовной ответственности за преступления против военной службы, предусмотренные статьями 337, 338 УК РФ // *Военно-юридический журнал*. 2008. № 10. С. 25-29.
11. Бикеев И.И. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности за незаконный оборот огнестрельного оружия // *Российский юридический журнал*. 1998. № 2 (18). С. 84-92.
12. Новокшенов Д.В. К вопросу латентности нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности // *Военно-юридический журнал*. 2017. № 7. С. 5-10.
13. Якушев А.Н. Влияние общественно опасных последствий против военной службы на криминализацию

- действий военнослужащих // Следователь. 1999. № 9. С. 5-12.
14. Бязров С.Е. Причинение уголовно наказуемого вреда при применении оружия военнослужащими внутренних войск МВД России: проблемы соразмерности // Современное право. 2007. № 11-1. С. 82-85.
15. Ермолович Я.Н. Проблема соотношения и взаимосвязи уголовного и военно-уголовного законодательства // Гражданин и право. 2013. № 11. С. 46-54.

## **Limitations in Establishing Individual Criminal Responsibility for War Crimes in Large-Scale Conflicts**

**Dinara Kh. Safina**

Postgraduate Student, Lecturer,  
Department of Criminal Law Disciplines,  
A.S. Griboedov Moscow University,  
105066, 35/1, Novaya Basmannaya str., Moscow, Russian Federation;  
e-mail: dici@list.ru

### **Abstract**

The article provides a comprehensive analysis of the challenges in establishing individual criminal responsibility for war crimes during large-scale international conflicts. The introduction highlights the relevance of this issue due to the magnitude of modern armed confrontations involving multiple parties and spanning vast territories. It emphasizes systemic difficulties faced by international tribunals, including evidentiary challenges in proving direct involvement of senior leadership and responsibility of direct perpetrators amid political pressure, logistical constraints, and financial limitations. The historical context is examined through the Nuremberg and Tokyo trials, noting their limited applicability to contemporary asymmetric conflicts. The materials and methods section focuses on legal aspects, analyzing the role of non-state actors (insurgent movements, private military companies) whose opaque status and lack of clear command structures complicate accountability. The concept of command responsibility is scrutinized, revealing practical barriers in proving commanders' awareness of subordinates' crimes, particularly when information flows are distorted or evidence is deliberately concealed. Results and discussion identify key obstacles: lack of political will among states to support international investigations, refusal to extradite suspects under sovereignty claims, and difficulties in gathering reliable evidence in active combat zones. The article addresses challenges in qualifying new warfare methods (cyberattacks, drone use) not fully regulated by international law. It notes the negative impact of information manipulation complicating fact verification and the paradoxical position of humanitarian organizations possessing data but unable to share it without endangering lives. The principle of complementarity is analyzed, exposing cases of sham national investigations designed to block international intervention. The conclusion asserts that establishing individual responsibility remains extremely challenging due to legal, political, and operational factors. Optimization pathways are proposed: strengthening international cooperation between judicial and diplomatic institutions, implementing systems for real-time crime monitoring and documentation, and enhancing legal awareness among military personnel. The study concludes that international humanitarian law must adapt to new challenges (cyber warfare, remote weapon use) while reinforcing mechanisms to ensure punishment inevitability without compromising evidentiary standards.

**For citation**

Safina D.Kh. (2025) Ogranicheniya ustanovleniya individualnoy ugovnoy otvetstvennosti za voennye prestupleniya v usloviyakh krupnykh konfliktov [Limitations in Establishing Individual Criminal Responsibility for War Crimes in Large-Scale Conflicts]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 650-662.

**Keywords**

Individual criminal responsibility, war crimes, large-scale conflicts, international justice, command responsibility.

**References**

1. Stepanenko N.E. Actual problems of criminal liability of military personnel for evading military service // Law in the Armed Forces - Military-legal review. 2012. No. 1 (175). pp. 113-117.
2. Dubovsky Yu.M. On the issue of establishing criminal liability of civilians for crimes committed during wartime or in a combat situation (historical and legal analysis) // Russian Investigator. 2008. No. 14. pp. 36-39.
3. Malkov S. Features of differentiation of criminal liability for illegal actions with certain types of weapons // Criminal law. 2006. No. 1. pp. 42-44.
4. Troshchenko R.A. Revisiting the issue of criminal liability for military crimes during wartime and in a combat situation // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. 2009. No. 2 (140). pp. 13-16.
5. Sadovnikov D.V. Problems of criminal liability of partisans for illegal conduct of military operations in an international armed conflict // Lex Russica (Russian Law). 2008. Vol. 67. No. 1. pp. 174-178.
6. Troshchenko R.A. On the issue of criminal liability for military crimes in wartime and in a combat situation // Military law. 2009. No. 2. pp. 99-108.
7. Kalamkarian R.A., Migachev Yu.I., S.A. Lobanov. Criminal responsibility for war crimes: theoretical issues of international legal research // State and law. 2016. No. 8. pp. 123-124.
8. Lobanov S.A. Codification of norms on responsibility for war crimes: continuity and development // Military Law Journal. 2009. No. 10. pp. 7-15.
9. Ermolovich Ya.N. The problem of correlation and interrelation of criminal and military criminal legislation // Citizen and law. 2013. No. 12. pp. 38-46.
10. Kamnev R.G. The commission of a crime under the influence of a combination of difficult circumstances and its significance for criminal liability for crimes against military service provided for in Articles 337, 338 of the Criminal Code of the Russian Federation // Military Law Journal. 2008. No. 10. pp. 25-29.
11. Bikeev I.I. Controversial issues of criminal liability for illegal trafficking in firearms // Russian Law Journal. 1998. No. 2 (18). pp. 84-92.
12. Novokshonov D.V. On the issue of latency of violations of the statutory rules of relations between military personnel in the absence of subordination relations between them. // Military Law Journal. 2017. No. 7. pp. 5-10.
13. Yakushev A.N. Influence of socially dangerous consequences against military service on criminalization of actions of military personnel // Investigator. 1999. No. 9. pp. 5-12.
14. Byazrov S.E. Infliction of criminally punishable harm when using weapons by servicemen of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems of proportionality // Modern Law. 2007. No. 11-1. pp. 82-85.
15. Ermolovich Ya.N. The problem of correlation and interrelation of criminal and military criminal legislation // Citizen and law. 2013. No. 11. pp. 46-54.